

На правах рукописи

Дорофеева Татьяна Владимировна

**АРХИТЕКТОНИКА РАННИХ КНИГ А.А.АХМАТОВОЙ
«ВЕЧЕР», «ЧЕТКИ», «БЕЛАЯ СТАЯ»**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2011

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века
Московского государственного областного университета

Научный руководитель:	Тихомирова Алла Олеговна кандидат филологических наук, доцент
Официальные оппоненты:	Савченко Татьяна Константиновна доктор филологических наук, профессор Овсянникова Светлана Владимировна кандидат филологических наук
Ведущая организация:	Тверской государственный университет

Защита состоится «08» декабря 2011 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению при Московском государственном областном университете по адресу: 105005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Московского государственного областного университета по адресу: 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а.

Автореферат разослан «26» октября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Алпатова Т.А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность избранной нами темы определяется с двух позиций: позиции предмета исследования и позиции методологии. Предметом настоящего диссертационного исследования является архитекtonика книг раннего периода творчества А.А.Ахматовой. Попытки изучения архитектуроники «Вечера», «Четок» и «Белой стаи» уже осуществлялись исследователями¹, в частности, в работе С.В. Овсянниковой «Книги лирики А. Ахматовой 1910-х годов в свете художественного новаторства Серебряного века»² впервые рассматривается архитектуроническое своеобразие ранних книг поэтессы в контексте художественных открытий искусства начала XX века. Однако в обозначенной диссертации под архитектуроникой понималось гармоничное *«соотношение художественного целого с его составными частями, их внутренняя взаимосвязь, адекватность авторского замысла его образному воплощению»*³, подробно раскрытое В.М.Жирмунским⁴ и Б.М. Эйхенбаумом⁵. В действительной диссертации трактовка понятия «архитектоники» исходит из позиции П.А. Флоренского и М.М. Бахтина. П.А.Флоренский, употребив под «архитектоникой» термин «конструкция», подробно объяснил ее отличие от «композиции»: *«Художественное произведение есть нечто само о себе, как организованное единство его изобразительных средств <...>. Это единство имеет и основную схему своего строения; ее-то и называют композицией. Но, ясное дело, единство изображаемого никак не должно быть смешиваемо с единством изображения. А значит, первое должно быть внутренне связано своею схемою единства, своим планом, объединяющим изображаемый предмет в нечто целое. Эту схему, или этот план художественного произведения со стороны его смысла следует называть конструкцией»*⁶. М.М.Бахтин определил архитекtonику как *«структуру эстетического объекта в его чисто художественном своеобразии»*, а композицию произведения как *«структуру, понятую телеологически,*

¹ В диссертации С.Э. Козловской «Структура художественного пространства в творчестве Анны Ахматовой» сделана попытка определить архитектуронические закономерности путем изучения пространственной организации поэзии Ахматовой в системном ракурсе.

² Овсянникова С.В. Книги лирики А. Ахматовой 1910-х годов в свете художественного новаторства Серебряного века: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М. 2004.

³ Там же. С. 18.

⁴ Жирмунский В.М. Композиция лирических стихотворений. Изд. «Опояз». Пб., 1921.

⁵ Эйхенбаум Б.М. Как сделана "Шинель" // Поэтика. - Пг., 1919.

⁶ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М., 1993. С.148-149.

осуществляющую эстетический объект»⁷. По убеждению ученого, архитектоника есть формы «душевной и телесной ценности эстетического человека <...>, которые ничему не служат, а успокоенно довлеют себе, - это формы эстетического бытия в его своеобразии», именно «архитектоническая форма определяет выбор композиционной»⁸.

Необходимость и своевременность обращения к творчеству А.А.Ахматовой с позиции рассмотрения целостного развития ценностных устремлений, отображающих диалектику авторского мировидения, определяется нами на основании историко-литературной концепции Л.А. Смирновой, согласно которой объединительным фактором поэзии, и шире, искусства Серебряного века явились высшие духовные поиски художников⁹. Глубинный пласт архитектоники, некая «перво-конструкция»¹⁰ произведения и таит в себе, даже не всегда осознаваемое автором, «биение» подобных принципиальных вопросов бытия. Безусловно, она не исчерпывается ими, а имеет многие варианты, интерпретации, углы преломления, акценты, их соотношения и взаимодействия в зависимости от особенностей творческого миропонимания личности, но неизбежно покоится на них. В данном диссертационном исследовании осуществляется попытка выявить и рассмотреть уникальное индивидуальное своеобразие сущностных идей, смыслов авторских творений и их воздействие на изобразительную, композиционную форму произведений. Анализу подвергаются разные уровни архитектоники книг Ахматовой. Глубинный, на котором зиждутся прочие составляющие художественного творения, в котором «сознанию дается соотношение сил, стихий»¹¹, осуществляется процесс синтеза энергий личности и внеличной реальности, запечатлевается интуитивный, бессознательный поиск Истины, – определяющий онтологию автора. Уровень мотивов, их уникального соотношения и модификаций, конкретизированных мыслей, прочувствованных эмоций, зависимый от малейших изменений первого; и там, где это возможно и необходимо, сюжет – «внешний момент конструкции»¹², вместе со вторым уровнем

⁷ Бахтин М.М. Содержание, материалы и формы в словесном художественном творчестве//Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. С.6.

⁸ Бахтин М.М. Содержание, материалы и формы в словесном художественном творчестве//Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. С.21.

⁹ Смирнова Л.А. Золотой сон души: О русской литературе рубежа веков XIX-XX вв. – М., 2009.

¹⁰ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М., 1993. С.150.

¹¹ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М., 1993. С.150.

¹² Там же.

отражающий сущностную позицию поэта. Многослойность архитектуры прослеживается как в рамках одного стихотворения, так и в масштабах главы, книги. Наблюдение за становлением внутреннего единства каждой книги позволило выявить диалектическую взаимосвязь всех трех собраний лирики, определить значимость каждого отдельного произведения в уникальной целостности раннего периода творчества Ахматовой.

Безусловно, попытки осмысления глубинных основ поэтического мира Ахматовой предпринимались неоднократно: особенно с конца 90-х годов XX века исследователей интересовала духовная составляющая ее поэзии. Религиозно-православным аспектам творчества поэтессы посвящены работы: Л.Г. Кихней¹³, М.М. Дунаева¹⁴, В.А.Редькина¹⁵, И.А.Казанцевой¹⁶, М.В.Строганова¹⁷, М.С.Руденко¹⁸, О.Е. Фоменко¹⁹ и др. Неоднократно внимание исследователей обращалось и к освещению «нечленимого» художественного мира Ахматовой: в монографиях В.В.Мусатова²⁰, Т.А.Пахарева²¹, Л.Г.Кихней²², исследованиях О.А.Лекманова²³, диссертации С.Э. Козловской²⁴ и др.

При всем обостренном интересе исследователей к творчеству А.А.Ахматовой комплексный анализ глубинных истоков чувств, противоречивых посылов, мотивов, воплощенных в гармонии разнонаправленных устремлений посредством

¹³ Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. – М., 1997.

¹⁴ Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII – XX веках». – М.: Издательский Совет РПЦ, 2002. С 863-871.

¹⁵ Редькин В.А. Мифологическое начало и христианские идеи в поэтическом творчестве А. Ахматовой // Ахматовские чтения: А.Ахматова, Н.Гумилев и русская поэзия начала XX века. – Тверь, 1995. С.3-27.

¹⁶ Казанцева И.А. Иконическое слово в поэзии А.А.Ахматовой// Анна Ахматова и Николай Гумилев в контексте отечественной культуры (к 120-летию со дня рождения А.А. Ахматовой): Материалы международной научно-практической конференции (Тверь-Бежецк). – Тверь: Научная книга, 2009. С. 6-9.

¹⁷ Строганов М.В. «Библийские стихи» Анны Ахматовой// Анна Ахматова и Николай Гумилев в контексте отечественной культуры (к 120-летию со дня рождения А.А. Ахматовой): Материалы международной научно-практической конференции (Тверь-Бежецк). – Тверь, 2009. С. 9-13.

¹⁸ Руденко М.С. Религиозные мотивы в поэзии Анны Ахматовой Вестник московского университета. - Сер. 9. Филология. - 1995. - № 4. - С. 66-77.

¹⁹ Фоменко О.Е. «Православно-христианские основы творчества Анны Ахматовой»: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нерюнгри, 2000.

²⁰ Мусатов В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. - М.: Издат. центр РГГУ, 1998; Мусатов В.В. «В то время я гостила на земле...»: Лирика Анны Ахматовой. – М., 2007.

²¹ Пахарева Т.А. Поэтические мотивы как средство формирования целостности художественной системы Анны Ахматовой: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Киев, 1992.

²² Кихней Л.Г., Чаулина Н.В. Анна Ахматова: Сквозь призму жанра. – М., 2005.

²³ Лекманов О.А. Концепция «Серебряного века» и акмеизма в записных книжках Ахматовой// Новое литературное обозрение. - М., 2000, № 46. - С. 216-230; Лекманов О. А. Книга стихов Анны Ахматовой «Вечер» (1912) как «большая форма» <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10154>.

²⁴ Козловская С.Э. Структура художественного пространства в творчестве Анны Ахматовой: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2008.

поэтического слова и образующих уникальное единство произведений разных лет, по-прежнему недостаточен.

Интерес к рассмотрению целостного процесса поиска духовной основы от зарождения, неосознанного переживания, позже самобытного многогранного постижения *«предвечных вопросов»*²⁵, до утверждения своего особого пути преображения, выявление обусловленных им несомненных внутренних связей всех произведений ранней лирики А.А.Ахматовой, прослеживание его влияния на композиционную организацию, смену состава книг определил настоящую диссертационную работу.

Цель диссертации – рассмотреть подвижную гармонию архитектоники каждой книги раннего периода творчества Ахматовой и доказать органичную целостность «Вечера», «Четок» и «Белой стаи» как свидетельство становления онтологии автора.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- исследовать лирические тексты «Вечера», «Четок», «Белой стаи», определить значимость отдельно взятого стихотворения в общей архитектонике книги;
- проследить композиционные изменения состава книг, вызванные смещением архитектурных акцентов, в связи с этим выявить причины включения и исключения автором отдельных произведений в редакции разных лет;
- определить способы и средства художественной реализации архитектоники книг;
- продемонстрировать мотивацию использования автором композиционных средств для претворения архитектоники;
- использовать факты биографии, свидетельства воспоминаний реальной жизни, варианты рассматриваемых стихотворений для определения соотношения действительности и ее творческого осмысления в исследуемых произведениях;
- установить своеобразие и взаимосвязь глав каждого из анализируемых собраний лирики;

²⁵ Цитата по: Смирнова Л.А. Золотой сон души: О русской литературе рубежа веков XIX-XX вв. – М., 2009. С. 7.

- осмыслить логику внутреннего преображения лирического субъекта от книги к книге;
- раскрыть «монолитность» художественного мышления А.А. Ахматовой, проявленного эволюционно в «Вечере», «Четках», «Белой стае».

Целью и задачами диссертации предопределено комплексное использование следующих **методов** исследования: литературной герменевтики, онтологической поэтики²⁶, содержательно-структурного, сравнительно-типологического, историко-функционального, биографо-истокведческого, психологического, аксиологического.

Объектом для изучения послужили книги А.А.Ахматовой «Вечер», «Четки», «Белая стая» первых изданий²⁷, а так же собрания, за основу комплектации стихотворений в которых взят план двухтомника, определенный Ахматовой в 1962 году²⁸. **Предметом** настоящего диссертационного исследования является архитектура ранних книг А.А. Ахматовой.

Теоретико-методологическая база исследования.

Литературоведческую основу диссертации определили труды М.М. Бахтина, П.А.Флоренского. Активно использовались материалы фактографического и мемуарного характера: воспоминания, отзывы, статьи, книги современников поэтессы, ее записные книжки и эссеистическая проза. Осмыслен большой пласт современных исследований о личности и творчестве А.А.Ахматовой. Для постижения авторского замысла изучались тексты Библии, поучения и наставления Святых Отцов Церкви: святого Григория Богослова, святителя Игнатия Брянчанинова, преподобного Амвросия Оптинского.

Научная новизна диссертации обусловлена не осуществляемым ранее подробным рассмотрением всех уровней архитектуры трех первых книг А.А.Ахматовой. Благодаря проникновению в *«органическую самозамкнутость некоторой реальности»*²⁹ собраний лирических свершений проступают не учтенные исследователями нюансы духовной жизни личности, уточняется своеобразие ее

²⁶ Карасев Л.В. Онтологическая поэтика (краткий очерк)// *Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 2005.* С. 91-113. <http://iph.ras.ru/page51136185.htm>.

²⁷ Ахматова А.А. Вечер. Стихи. Предисловие: М.Кузмин. - СПб.: Цех поэтов, 1912. - 86с.; Ахматова А.А. Четки. Стихи. - СПб.: Цех поэтов, 1914. - 120с.; Ахматова А.А. Белая стая. Стихотворения Анны Ахматовой. - П.: Гиперборей, 1917. - 136с.

²⁸ Ахматова А.А. Собрание сочинений в двух томах.- М., 1990.

²⁹ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. - М., 1993. С. 157.

взаимодействия с окружающим миром, постижения Бога и смысла собственной жизни, прослеживается формирование авторской онтологии. В работе не выявляются общие для искусства Серебряного века закономерности построения произведений, а рассматривается индивидуальное многогранное развитие личности, осмысление ею себя и мира, то есть та составляющая творчества, которая не управляется сознанием и волей автора, а возникает спонтанно, но, затем оформившись, акцентируется разумом в особой организации книги. Иными словами, первостепенным является выявление сути изменений лирического субъекта, а изучение способов их художественной передачи вторично.

Системное рассмотрение стихотворений каждой книги способствует более целостному пониманию замысла автора и убедительно показывает важность и красоту запечатленных в них промежуточных периодов становления личности в потоке развернутой во времени гармонии преобразования. Посредством такого восприятия поэтического наследия еще глубже постигается смысл обращения Ахматовой к оттенкам трагических и благостных чувств и состояний, уточнение смысла и ценности бытия.

В лирическом поле «Четок» и «Белой стаи» рассматриваются поэмы, соответственно «Отрывок из поэмы» и «У самого моря» как неотъемлемые части гармоничного двуединства каждой книги.

Осуществленные архитектурные наблюдения и открытия позволили по-особому осмыслить и трактовать некоторые композиционные решения А.А.Ахматовой, в частности доказать не последовательность, а параллельность двух последних глав книги «Четки».

Кроме того, в работе прослеживаются изменения *«обоих единств»*³⁰ в «Вечере», «Четках» и «Белой стае», вызванные непрестанной многолетней доработкой, усовершенствованием Ахматовой своих первых поэтических собраний, что наглядно подтверждает определенный в самом начале исследования пассионарный заряд творческой личности, ее духовную ориентированность, устремленность к постоянному развитию. Постепенное, но неотвратимое усиление именно духовных акцентов во всех трех книгах демонстрирует высказываемое не раз исследователями и ставшее аксиомой для данной диссертации утверждение о

³⁰ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М., 1993. С. 152.

значительно более глубоком, не исчерпывающемся лишь любовными переживаниями подтексте «Вечера» и «Четок», о колоссальной значимости их и «Белой стаи» в общем контексте творчества и жизни автора.

Положения, выносимые на защиту:

- Пошаговое постижение и переживание трагедии жизни и в частности любви, характерное для первого издания «Вечера», в результате многолетних доработок книги, углубления архитектоники, отраженного в композиционном изменении, особенно в выборе открывающих и заключительных стихотворений, сменяется емкими обобщениями, оценкой ситуации с высоты опыта ее преодоления. Цель столь кропотливых уточнений видится в стремлении автора со временем не столько передать конкретные страдания и боль, сколько отразить степень внутренней дисгармонии лирического субъекта, ставшей отправной точкой поиска новых жизненных ориентиров. «Вечер», тем самым, мыслится не только как первая поэтическая книга Ахматовой, но представляется первым этапом сложнейшего внутреннего делания героини, неразрывно воссозданного во всех трех книгах.

- Определенный в предыдущей книге внутренний мир героини в «Четках» стимулирует невозможное ранее разграничение личности и окружающей реальности. Поиск Истины приобретает бытийную направленность. Сложная, объединяющая многие разноречивые устремления архитектура «Четок» воплощается в особой композиции книги. Первые три главы логично следуют друг за другом, раскрывая последовательность развития взаимосвязей личностной и внеличностной действительности. Две последние главы (третья и четвертая), отражающие различные, но одинаково важные направления свершений души, видятся выстроенными не последовательно, а параллельно, сама же книга мыслится как следующий этап уже осознанных, волевых, поисков мудрости и смысла жизни.

- Внешние и внутренние диссонансы, ставшие в «Вечере» и «Четках» катализатором самосовершенствования, в «Белой стае» предстают как показатели духовного роста лирической героини – постигшей в них Промысел Божий. Все основные мотивы, постепенно видоизменяющиеся от книги к книге, отныне получают сугубо духовную интерпретацию. «Белая стая» является своеобразной панорамой многогранного самопроявления окрепшего духа личности.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью использования основных положений диссертации в учебном процессе, в преподавании курса истории русской литературы XX века, в практике вузовского и школьного преподавания литературы Серебряного века, при разработке спецкурсов, спецсеминаров по творчеству А.А.Ахматовой, в составлении литературного блока программ учебного предмета или кружка Основ Православной культуры для старших школьников.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета. Материалы диссертации послужили основой для докладов на научных конференциях: «Русское литературоведение на современной этапе» (Москва, 2008), «Анна Ахматова и Николай Гумилев в контексте отечественной культуры» (к 120-летию со дня рождения А.А. Ахматовой) (Тверь-Бежецк, 2009), «Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи» (Москва, 2009), «Гумилевские чтения» (к 125-летию со дня рождения Н.С.Гумилева) (Тверь-Бежецк, 2011).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии, насчитывающей 182 изученных источника. Содержание диссертации изложено на 232 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационной темы, указывается степень ее изученности, обозначается предмет и объект исследования, определяются методы, формулируются цели, задачи, научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту, дается информация об апробации результатов исследования, структуре диссертационной работы.

В **первой главе ««Вечер»: целостность изображения внутренних стимулов поиска Истины»** подробно рассматривается своеобразие архитектоники дебютной книги Ахматовой. От стихотворения к стихотворению улавливаются тонкие оттенки чувств и эмоций, определяется их внутреличностная подоплека.

Мрачная стихия трагедии любви царит в начале книги. Приносящее множество страданий чувство мыслится растворенным повсюду, угрожающим покою

и радости всех живущих. Признание его многоликости, вездесущности и пагубности создает фатум несчастья. Безысходное самочувствование личности, переживающей горечь разочарований, пробуждает первоначальный импульс внутреннего делания, удивительно проявившегося не в стремлении изменить сущее, а в бессознательном порыве полностью погрузиться в его мучительную данность. Такое, на первый взгляд самоуничтожающее поведение, в действительности открывает спасительную перспективу обретения новой жизненной мудрости, ибо насытившись многообразием явления, активное сознание и душа неизбежно будут пытаться постичь причину и смысл происходящего. Кроме того столь самоотверженное испытание предела несчастья обнаруживает неизмеримо глубокий душевный потенциал лирического «Я». Незримая сущностная основа начального этапа само- и миропостижения выявляется как сложное диалектичное соединение переживаний несбывшихся надежд, печали, боли разбитого сердца, самозабвенного сопротивления разрушительной силе страданий при одновременном признании их всераспространенности и неизбежности, интуитивный поиск альтернативы чувств и эмоционально-духовной опоры. На композиционном уровне хаотическая смена многих противоречий воплощается в отсутствии единой нити повествования.

Интенсивная концентрация внимания на многообразии любовной трагедии внезапно открывает иллюзорность желанного и одновременно губительного чувства и как следствие провоцирует пристальное рассмотрение различных граней явления обмана: от трогательной фантазии-мечты, смягчающей мучительную действительность, до самовнушения ценности ложных жизненных приоритетов. Отслеживание масштабности попраения искренности и истины в жизни исподволь приводит героиню к прозрению бессмысленности подобного существования, разворачивает ей всю глубину личной трагедии, что предопределяет еще один шаг к постижению загадок жизни. Опустившись на самое дно рокового несчастья, она начинает видеть страдания многих, предчувствовать приближение неопределенной, но неотвратимой глобальной катастрофы. Осмысление сути страданий и изменение отношения к ним лирического субъекта в ранней лирики Ахматовой доносится посредством образа скитальцев. Восприятие нищих странников героиней модифицируется от презрения их убогости, стремления избежать подобной участи в «Вечере» до постижения подвижнического подвига в «Четках» и озаренности

благодатью в «Белой стае», что свидетельствует о ее неоспоримом духовном становлении. В переживаниях трагедии любви постепенно определяется и источник грядущего искусства.

Глубинные токи зарождающегося грандиозного процесса превозмогания себя проявляются в переплетении многочисленных самоощущений и устремлений героини: решение вскрыть обман в жизни, боль от невозможности его преодоления, переживание его мучительных последствий, стремление понять причину, закономерности и даже необходимость данного явления, угнетающее чувство одиночества, постижение смерти как избавления от мучений, вариант успокоения и обретения внутренней цельности.

На композиционном уровне первичный исток свершений во многом реализуется благодаря обращению к народно-поэтической культуре. Преломляясь сквозь призму индивидуального поэтического мышления, элементы фольклора, помогая ярко выразить личностный душевный надрыв, возводят его на уровень общераспространенных, то есть объективируют лирическое переживание.

В сгущающейся атмосфере осмысления ложности бытия, несбыточности человеческих чаяний явственнее начинает ощущаться Высшее руководство земными судьбами. Благодаря необъяснимому осиянию извне героиня приближается к постижению сути волнующих ее вопросов. Личностно важные открытия осуществляются ею в состоянии поэтического вдохновения, художественно изображенного в стихотворении «Музе». Конечно, это далеко не сверхчувственные прозрения от преодоления традиционной жизненной практики, тем не менее недолгое ощущение незримого присутствия иной Воли в жизни предопределяет будущее влечение лирического «Я» к постижению Божественного Промысла. Ранее не высоко ценимый, внезапно уникально проявившийся поэтический дар становится смыслообразующим центром. Именно он сформировал своеобразие сочетаний внутренних потенций: уже знакомые переживания разочарований, грусть постижения повсеместности обмана и одиночества, но одновременно внезапное кратковременное ощущение настоящей, благодатной любви, успокоение и надежда от открытия необъяснимого единения душ и предчувствия их бессмертия; мучительное осознание собственного несовершенства, зарождение предпосылок к покаянию и всепрощению. Подобное переплетение умозаключений и внутренних метаморфоз не

является свидетельством выхода лирической героини на новый уровень сознания и духа, но выражает ее личностный рост в области осмысления многосторонней действительности.

В художественной организации текста особенное мировосприятие отразилось в значительном снижении внимания к психологическим подробностям действий. Отныне они не нужны, потому что постижение многих оттенков эмоционального состояния, испытание границ трагического закончилось, пришло время рефлексии испытанного, выведения из конкретного переживания новой мудрости, духовного, нравственного, жизненного опыта. В связи с этим из монологов исчезают психологические детали и конкретно называется испытываемое состояние – печаль, отчаяние, раскаяние и т.д.

Стремление филигранно отобразить особенности начального этапа непрерывного развития души побуждало автора к постоянной доработке первой книги. Уточнение ее принципиальных акцентов, все большее уклонение их в сторону духовного становления личности отчетливо проявилось в логике смены открывающих и заключительных стихотворений: соответственно, начало – «Любовь», окончание – «Три раза пытаться приходила», позже открытие – «Молюсь оконному лучу», завершение – «Я и плакала и каялась». В первом случае выясняется закономерность: обличение обманчивой сути любви, ее пагубности, неизменно уводящей от *«радости и покоя»*, в первом стихотворении книги трагически усиливается в последнем: любовь приносит смерть. В столь страшном итоге проявляется знаменательный акцент: источник страданий обнаруживается в душах влюбленных, они сами обрекают друг друга на мучения.

Во втором варианте образуется кольцевая композиция, достигнутая повторением ситуации молитвы. Суть и причина каждой совершенно разные: первая светлая и чистая, сокровенно-тайная, вызванная волнением неопытного сердца, творимая в молчании; последняя – истошная, граничащая с проклятиями и обвинениями, это крик души, боль *«темного»* от разочарований и измены сердца, ужас от постижения собственной внутренней страшной сути. Такое начало и концовка демонстрируют качественные душевные изменения героини: она в конце книги значительно отстоит от светлого и наивного, но не знающего самого себя, персонажа первых стихотворений.

В *выводах к главе* через обобщение основных наблюдений без оглядки на нюансы прорисовывается направление начального этапа духовного преображения лирической героини. Принципиальным здесь является замечание подспудного, надличностного руководства ее жизнью, не дающего испытывающей предел трагического перейти за него. В качестве части или особого проявления этой неведомой силы мыслится природа. Неизменно воспринимаемая во всех главах книги как воплощение гармонии, она является для героини зримым вариантом преодоления внутренней разлаженности. Думается, что именно в стабильном противопоставлении ее величественного постоянства изменчивости человеческих чувств и отношений Кузмин усмотрел сомовские мотивы, побудившие его настаивать на названии первой книги молодой поэтессы «Вечер».

Крохотные, но крайне важные прозрения «Вечера» постепенно активизируют сложный механизм духовного делания и пробуждает волю героини.

Во второй главе *«Четки»: единство архитектоники и композиции в воссоздании противоречивого сознания лирического субъекта»* осуществляется обращение к смысловому стержню второй книги лирики А.А.Ахматовой. Постигание ее многослойной и разнооттеночной архитектоники нивелирует широко распространенные утверждения о схожести книги с «Вечером», выявляет неповторимость и важность особого этапа развития значимых для поэтессы мотивов и тем, отражающих диалектику ее глубинных представлений о мире. Прослеживается влияние архитектоники и смены ее акцентов на композиционное построение собрания стихотворений.

С самого начала книги в мучительном постижении трагедии жизни, осуществляемом через многообразное переживание несчастья любви, фиксируется принципиальное изменение самоощущений героини по сравнению с «Вечером»: отныне она терзается не самой действительностью, а своей неудовлетворенностью ею. В качестве основной причины тоски выявляется отчетливое осознание несходства взаимо- и мировосприятия, личностного поведения влюбленных, неспособность героя откликнуться на импульс активизирующегося внутреннего мира героини, несоответствие внезапно обнаруженного неудержимого желания и пока все еще неумения самой героини изменить свою жизнь. Сложнопостижимая глубинная суть нового этапа продвижения к непознанному проявляется в непростом единении

зачастую непонятных самой героине контрастных самоощущений и мыслей, спонтанных эмоций: предчувствия необходимости иной основы взаимоотношений и неготовности к качественным переменам, подспудного ожидания от возлюбленного взаимности устремлений и признания тщетности надежд; осознания распространенности греха и нераскаянности; развенчания любви как блага и духовного сражения за нее; проникновения в тайну существования возвышающих отношений между людьми и стремления к самоубийству из мести.

Зримо индивидуальные переживания воплотились в особых художественных приемах. Величайшее душевное волнение выдается акцентировкой внимания на одной детали, передачей острых запахов и звуков, припоминанием мелочей обстановки и ситуации, нюансов разговоров. В столь интенсивном восприятии окружающего мира видится попытка понять внутренние процессы.

Овеществление любви, выполнение с нею различных манипуляций и даже убийство, с одной стороны нивелирует чувство, с другой выдает удаленность героини от постижения истинной любви и подспудное устремление к познанию ее тайны.

Постепенно происходит важное переключение внимания лирического субъекта с внешнего плана на внутренний, проявляется волевой посыл к преодолению страданий. Неспособность справиться с тягостными переживаниями смерти, самоубийств, грехов и ошибок провоцирует настойчивое, хотя и мнимое, отстранение от мучительного прошлого, и вместе с тем направляет мысль к высшим сферам, пробуждает веру. Пока не обретенная, а лишь влекущая как уникальный способ избавления от страданий, вера, первые обращения к жизни души, выявляют ее оскудение. Примерение к себе добродетели смирения, попытка молитвы дают временное успокоение и главное — запускают механизм внутреннего делания. Внезапные мимолетные чувствования просветляющей истосковавшуюся по гармонии душу любви выводят героиню на поиск истоков удивительного состояния. Искание возможностей преодоления трагедии жизни становится явной сутью сложных и неравномерных самопроявлений личности: столкновения мнимых и истинных стремлений, нарочитого (обманного) ухода в сторону с целью оттенить важность происходящего, якобы забывания былого и одновременно сосредоточенности на переживаниях, открытия возможности творчества через преодоление страдания.

Композиционно глубинная смысловая основа воплощается в последовательности лирических произведений: все стихотворения второй главы мыслятся расположенными в особом порядке, похожем на хронологию событий и изменения состояний. Условно их можно разделить на два этапа: первый, включающий влюбленность, разочарование и самоубийство героя, второй – формально один день, а подспудно вся жизнь героини после случившегося несчастья. Акцентировка на деталь снимается, основной формой речи становится внутренний монолог, воплощающий глубокие переживания израненного утратами сердца. Его интенсивность, использование слов церковной тематики, персонификация состояний памяти, бессонницы, воплощение в образе птицы-тоски «души поэта» свидетельствуют о вдумчивом погружении в многообразие и неизвестность внутреннего мира, осознании важности происходящего в нем.

Освобождающемуся от наносной бытовой шелухи сознанию все явнее открывается искомый путь преодоления трагедии жизни – самосовершенствование, приближение к Богу. Не избегая ошибок, уклоняясь в сторону максимализма и поспешного стяжания простоты, мудрости и покоя, героиня следует избранному и наконец осознает необходимость раскаяния. Исповедь – первая победа ее свободной воли и одновременно необходимый плацдарм дальнейшего духовного делания. Обнаружение и признание приоритетности по отношению ко всем прочим чувствам и переживаниям интуитивного ощущения Бога, указывает на коренное изменение внутренней установки героини. Руководствуясь ими, она начинает переосмысливать свою жизнь, прошлое и настоящее, особым образом, через открытие уникальных свойств памяти, приближается к постижению вечности. Решительный отказ от радостей обыденности свидетельствует о постепенном исцелении оскудевшей души.

Волевое изменение ищущей личностью собственной жизни, подчинение ее нормам духовного развития определяется в качестве подспудной смысловой доминанты свершений. Смещающаяся балансировка соотношения желаемого и действительного состояний, сочетания прощения и обиды, смирения и гордыни, в итоге победы духовного начала и решительное отречение от земной любви и благ образуют сложное архитектурное единство.

Колоссальное напряжение, вызванное нелегкостью определения направления жизненных исканий и следования по нему, выражается быстрой сменой тона и

смысла речи лирической героини: благостность и смирение замещаются иронией и горечью, а печаль рассуждения-воспоминания – внезапной веселостью. Замедленно-тягостный монолог модифицируется в интенсивный внутренний диалог, обнаруживающий стремление героини проговорить – осмыслить свершающиеся в ней перемены. Высокое насыщение речи реминисценциями из Священного Писания, словами церковного обихода, воспоминание житий святых отражает интуитивный порыв обратиться к многовековому опыту Церкви, применить его в качестве мерила и образца к своей жизни.

Смыслообразующим центром дальнейших свершений личности определяется раскрытие измененного коренным образом восприятия мира, что обнаруживается в появлении многоцветной палитры ярких красок и положительных характеристик элементов действительности. Осуществившееся после благодатного очищения исповедью творческое самоопределение обеспечивает разнообразие тематического материала. Отныне поэтическому осмыслению подвергается всего многообразие бытия: духовная жизнь, реальность, фантастика. Проявление постепенного восполнения когда-то расточенной гармонии просматривается через сближение мира фантастического и реального, демонстрацию возможности их соприкосновения, однозначное определение причины разрушения внутренней цельности в любви.

Однако любовь не исключается из жизни личности, однозначно отвергнутая прежде, она восстанавливается на ином, пока не ясно определенном уровне (ее особое «возвращение» осуществилось в «Отрывке из поэмы», где именно через любовь происходит постижение благости творчества). Принципиально важно, что отныне в сознании лирической героини разграничиваются плотское влечение (именно оно отвергается категорически) и чувство, суть которого не познана.

В **выводах к главе** определяется архитектура книги, многокрасочно проявленная во всех своих нюансах и оттенках в каждом лирическом свершении: соотнесение устремлений, раздумий, чувств и переживаний личности, направленных на изживание тоски, греховности и постижение себя. Неоднозначность, многослойность внутреннего единства предопределили особенность композиции «Четок». Первые три главы следуют друг за другом, раскрывая последовательность развития соотношений потенций личности и внеличностных реалий. Колоссальное душевное напряжение, сгенерированное в первой и второй главах, в итоге приводит к

пониманию, а потом и началу переоценки ценностей и жизненных установок личности. А в третьей и четвертой - наблюдается их преобразование. Две последние главы, отражающие различные, но одинаково важные направления свершений души: внутреннее совершенствование и творчество, - стягиваются в постигающем их сознании в надвременное единство, и их элементы воспринимаются не последовательно, а параллельно.

Изменение окончаний книги разных лет изданий отражает смену внутренних ориентиров лирического субъекта. Первоначально важным было постижение тайны озарения творчеством и определение возможности сочетания его в душе, претерпевающей трагические переживания, стремящейся к очищению и преображению, с любовью, - книга завершалась «Отрывком из поэмы». Постепенно духовная составляющая устремлений становится приоритетной. Желание или попытка действенной, прощающей любви делает завершением книги стихотворение «Простишь ли мне эти ноябрьские дни?». Появившийся позже всех эпиграф способствует образованию кольцевой композиции книги, как бы утверждая прощение в качестве основы жизни.

В третьей главе «Белая стая»: аспекты духовного мироощущения в художественной организации поэтических текстов» осуществляется рассмотрение сложноразветвленного смыслового стержня третьей книги лирики А.А.Ахматовой «Белая стая». Прослеживается развитие прежде просвещенной покаянием души первоначально укрепленной в вере творческой личности в условиях объективных страданий. Выявляется пик внутренних метаморфоз, наблюдается новое осмысление прежде пережитого и настоящего с достигнутой высоты духа.

Намеченные в «Четках» два пути преображения: духовный рост и творчество, - сохраняются незыблемыми и в «Белой стае». Усиление стремления к внутреннему совершенству увеличивает значимость и актуальность этих аспектов бытия. Разведенные в предыдущей книге по двум главам, здесь они тесно взаимодействуют, а над их ярко и разнообразно представленным переплетением неизменно довлеет мотив духовного, убежденно христианского понимания всего происходящего.

При явно просматриваемой устремленности личности к гармонии, мудрости, преодолению боли и благодарности обидчикам, характер процесса внутреннего поиска и становления лирического субъекта крайне противоречив: состояние

умиротворения и ощущение могущественной силы сменяются страданиями прошлого, смирение – разочарованием, возвышенно-творческое – обыденно-женским. Подобная антиномичность чувств оттеняет объективность и нелегкость душевного противоборства. Колоссальная активизация внутренних ресурсов облегчает тяготу жизненных испытаний и значительно укрепляет волю и дух, приводит к осознанию благодности страданий.

Отношения любви и творчества многосторонни, переходят то в острое противоборство, то сложную взаимосвязь: постижение обусловленности творчества любовной памятью сменяется его осмыслением как преодоления любовной боли, осуществляется их сопоставление, позднее выявляется крайняя оппозиционность. Трактовка таланта как божественного дара порождает стремление преодолеть тягу к приземленно-бытовому. Необходимость обязательной реализации, развития и приумножения ниспосланного таланта порождает мотив вынужденного пения, усиленного болезненным переживанием равнодушия и жестокости слушателей.

На уровне художественной организации текста открывающиеся духовные ценности и личностные особенности воплощаются в глубоких, экспрессивных лирических монологах, отражающих эмоциональное напряжение и устремленность лирической героини к постижению высшего смысла собственной судьбы и бытия в целом.

Несмотря на одержание явных побед в борьбе со своей приземленной сущью, героиня не может окончательно превозмочь пагубности влияния действительности. Настойчивое, но неопределенное состояние безысходности, невозможности избежать разочарований, утрат, грехов, одиночества, смерти порождает ощущение плена, уникальным воплощением которого в итоге станет образ «*затвора тесного*». Однако в противоположность замкнутости внешней жизни обнаруживается неисчислимо богатство и глубина внутреннего мира. Лирическая героиня все определеннее начинает видеть благодность страданий, воспринимает нравственные мучения как свой крест и сознательно стремится к ним. Внезапно ей открывается еще одна грань неведанного – особые свойства любви: тишина, покой, свет. Любовь начинает восприниматься в нехарактерном ранее духовном смысле, на ее фоне все лишения повседневности полностью нивелируются. Отныне благодатное чувство

становится вариантом исправления душевной дисгармонии. Пока героиня не ощущает его в своем сердце и душе, но видит и восхищается им в других.

Композиционно глубинная суть личностных противоречий воплощается в мозаичной россыпи многочисленных, глубоких, порою антиномичных образов: от «адских» символов *«черных ангелов»* и *«малиновых костров»* - до креста - знака притяжения радостей и горестей жизни и любви. Многие лирические ситуации усиливаются деталями пейзажа Петербурга, уникального животворного воплощения настоящего. Прочие географические точки – вариант запоминания и выражения важных событий и встреч минувшего.

Все более укрепляемый страданиями и постепенным приближением к Истине дух испытывается в схватке не только духовной и нравственной, но и физической, – войне. Личностно-индивидуальные невзгоды и радости отступают на задний план, а центральными становятся *«вещи заботы»*. Героиня поднимается до самоотречения во имя будущего. Она живет мучительными мыслями о судьбе России, ощущает неразрывную, изначально присущую связь с Родиной. Бездонные муки приводят ее к великому прозрению: даже в войне проявлен Промысел Божий, а страдания – универсальный способ очищения грехов. В связи с этим сознательно устремляется в очистительное горнило бед и потерь, пройдя которое получает возможность *«стать страшной книгой грозových вестей»*

После открытия Высшей предначертанности всего происходящего исчерпывается тяготение к земным радостям, отныне жизненным идеалом становятся жертвенность и аскетизм. Масштабность внутреннего преображения личности выявляется через сравнение прошлой и нынешней жизненных позиций. В стихотворении «Под навесом темной риги жарко» («Вечер») осознание безграничности несчастья ошеломляло и вызывало страх. Трагическая рефлексия жизненного пути пробуждала «звонящий», «ломкий» плач о несправедливо обделенных, *«не узнавших счастья»*. Сейчас же наоборот: испытывает *«несказанное веселье»*, а крик-плач сменяется громкой песней радости (*«Верно, слышал святитель из кельи, / Как я пела обратной дорогой»*). Смерть, в связи с войной постигаемая особенно интенсивно, мыслится бестелесным вечным бытием души.

С определенно обозначившейся новой высокой позиции героиня мечтает «оживить» в себе все некогда утраченное, отринутое. Постигание целостности и

сверхразумности мира влечет ее и порождает многообразное динамичное единство мыслей, самоощущений, чувств, их оттенков.

Христианское восприятие войны нашло отражение в словесно-образном строе лирики третьей части книги. В ткань произведений введены цитаты из Священного Писания, широко используются православные образы, реалии, детали. Особо значимы фигуры одноногого прохожего, святителя из кельи и хромого человека: впервые старец/скиталец наделяется явными признаками святости, что свидетельствует о приближении автора к постижению ее природы, способности чувствовать, признавать ее и верить ее проявлениям.

Тон лирических медитаций теперь исповедальный, мягкий, передающий протекание раздумья, чувств, либо покаянно-сокровенный, подчеркивающий обращение к Богу. Самое важное стихотворение, проясняющее самоотверженную позицию лирической героини, закономерно выразилось в форме молитвы.

Вершиной внутреннего делания лирического субъекта становится открытие области Чувства на совершенно ином уровне, постижение его Божественной природы, вневременности, неисчерпаемости, неделимости на земное и неземное. Отныне смысл жизни в испытании, признании и переживании Любви в верующем сердце.

Обретенная внутренняя цельность восстанавливает в преобразившемся сознании уникальную взаимосвязь времен. Прошлое оценивается как неотъемлемая часть гармоничного духовного многообразия, как катализатор свершившихся внутренних преобразований. Память выступает своеобразным дополнением к многочисленным проявлениям любви. Снова и снова возвращаясь посредством ее в прошлое, героиня обнаруживает в нем прежде нецененное благо. Прозрения в области духа открывают первозданную гармонию и уникальность вселенной. Долго находящиеся в дисбалансе само- и мироощущение начинают звучать в унисон.

Несмотря на усиление христианского мироощущения в лирические тексты все реже вкрапляется церковная лексика. Подобная внешняя скромность при внутренней грандиозной исполненности – свидетельство глубокой убежденности, веры, не требующей специальных слов-знаков, а звучащей в каждом слове, каждой мысли славословием милости Божьей, а также результат колоссальной продуманности важнейшей концептуальной линии главы.

В заключительной части «Белой стаи» показана личность, достигшая определенной высоты развития, но не остановившаяся на этом, достойная и способная выбирать из разнообразия вариантов свою стезю духовного восхождения. Произведения, завершающие главу и книгу изданий разных лет, уточняют тенденции ее архитектоники. Окончание лирической части книги 1917 года («Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...») запечатлевает неоднозначность преобразования внутреннего мира героини, возвращая ее к мучительным метаниям. Такой финал, на наш взгляд, несколько сглаживает глубину постигнутых истин, но ярко отражает сильную внутреннюю динамику характера, активность духовного формирования, его невероятную пассионарность. Некоторый дисбаланс в общую тенденцию внутреннего роста вносила и ставшая пятой главой книги первого издания поэма «У самого моря». Вобрав в себя многие тенденции «Вечера» и «Четок»³¹, поэма и на архитектурном, и на композиционном уровнях нарушала гармонию преобразования и обретения новой жизненной мудрости «Белой стаи». Вместе со стихотворением «Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...» они актуализировали, казалось, преодоленное состояние утраченной мечты. Позже, традиционно занимая место после «Белой стаи», и уже не являясь ее пятым разделом, эпическая часть, как в «Четках», суммировала общие тенденции лирического мироощущения, послужившие отправной точкой философско-эстетических свершений книги.

В собрание 1922 года издания в качестве завершающих вошли два стихотворения, усиливающие акцент на духовное преобразование: «Город стигнул, последнего дома...», особенным образом разрешающее ситуацию молитвы-отречения, и «О, есть неповторимые слова...», отражающее великое прозрение о «милосердье Бога», ставшее возможным лишь после преодоления боли, после утверждения в чувстве всепрощения.

В **выводах к главе** выявляется глубинный исток и суть замысла книги – отражение процесса динамичной смены антиномичных мыслей, устремлений личности, уже осознанно стремящейся к самосовершенствованию, и в результате всего открытие рождения нового само- и мироощущения.

³¹ «Ее поэма «У самого моря» (1915 года) – скорее свод ранней лирики, чем самостоятельный эпос. Недаром здесь повторяется целый ряд слов и стилистических деталей, знакомых нам по лирическим стихам «Вечера» и «Четок». Но кажется, что ее ожидает переход к более крупной форме» Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова. Опыт анализа. – Пб., 1922. С. 132.

В **заключении** осуществляется обобщение наблюдений множественности и сложности интересных и важных импульсов духа и сознания лирической героини, невероятного много- и своеобразия интерпретаций категорий жизни, смерти, времени, творчества, памяти, любви, позволивших выявить глубинные истоки и проследить становление онтологии поэтессы, расширить представление об уникальности ее поэтического наследия, глубине личности.

Архитектоника каждой исследуемой книги отражает особый этап постижения личностью себя и мира. Явно прорисовывается сложный, тернистый, имеющий немало тупиковых ответвлений путь духа и разума в поисках непреходящей Истины. Лирическая героиня изменилась от неосознанно мечущейся в замкнутой безысходности трагедии жизни, недальновидно упрекающей во всех страданиях и несчастьях фатум, но удивительно спасаемой неведомой надличностной силой в «Вечере», до значительно более укрепленной в духе, осознавшей свой внутренний мир, постигшей его дисгармонию и пораженность грехом, сумевшей усилием собственной воли начать путь духовного и творческого восхождения в «Четках». Наконец, широко испытывающей беспредельность силы духа, смирения, основанного на прозрении промыслительности человеческого счастья и страданий, постигшей жертвенность миссии поэта, открывшей Истинную Любовь в «Белой стае».

От «Вечера» до «Белой стаи» прослеживается колоссальное изменение трактовки онтологических категорий: страдания, грех, смерть, память, время, творчество, любовь, - отражающих динамическую целостность картины мира автора.

Страдания, первоначально даже не вполне определенные, воспринимались как повсеместно распространенная данность «неправильного» бытия, мировой бич, сопротивление которому бессмысленно. Все большее их усиление, невозможность личности испытывать их тяжесть, определяют начало противостояния мукам. Развивающиеся в этой борьбе сознание и дух героини постепенно открывали ей иную суть страданий: страшное возмездие за грехи и ложную жизнь, потом принципиальная необходимость для очищения и, наконец, великое благо – путь к Богу, к Истинной Любви. Если первоначально героиню останавливали всевозможные

препятствия, то со временем лишения и трудности стали желанны, а душа возросла до жажды самоотречения.

Одновременно с постижением смысла страданий происходило изменение понимания греха и смерти. В «Вечере» грех констатируется, но истоки грешной жизни фактически не раскрываются и не пресекаются. Постепенно в результате напряженного осмысления жизненного опыта героиня признает пораженность души в качестве причины непрекращающихся страданий, но определяет грех как неотъемлемую составляющую повсеместно распространенного дисгармоничного бытия. Смерть в этот период пугает своей неизвестностью, но в целом видится как вариант избавления от терзающей жизни, способ преодоления внутренней дисгармонии. Колоссально усиливающаяся тяжесть бытия приводит к раздумьям о крайнем проявлении греха – самоубийстве и одновременно открывает необходимость его искоренения. Смерть отныне страшит неизбежностью возмездия и вместе с тем мыслится как особое бестелесное существование души в этом мире, с сохранением прежних личных связей, возможностью своеобразного общения с живыми. В результате духовного становления героини, в связи с признанием приоритетности бытия бессмертной души еще при физическом существовании тела, то есть неразличением этой жизни и жизни «будущей», происходит полное нивелирование смерти как разрушения, прекращения, разлуки.

Категория памяти многоаспектна, крайне сложна. Первоначально она оценивается двояко: как неизбежное сохранение беды, страданий, но одновременно и хранилище былого счастья, радости, своеобразный, до времени не осознанный героиней в своей универсальности, способ объединения людей и разных отрезков времени. Постепенно свойство памяти объединять людей и живых, ставших далекими, и мертвых становится все более явным. Лирическая героиня, противостоя разлуке и смерти, именно через память пытается сохранить навсегда все самое дорогое в жизни: события, встречи, мысли, чувства. Не узнав еще Истинную Любовь, не открыв тайны бытия, она посредством памяти приближается к постижению феномена вечности. С момента открытия героиней Высшей Любви, память становится существенным дополнением к ее многочисленным проявлениям. Время с самого начала фиксации его значимости определялось с философской глубиной. В

настоящем ощущалось прошлое и предчувствовалось будущее, с открытием же неисчерпаемой и непреходящей Любви время перерождается в вечность.

Творчество. Постигание творчества уже в «Вечере» изменяется от определения его как оригинальной способности до внезапного осмысления его магической, необъяснимой силы, активно, самовластно вмешивающейся в жизнь личности. Совершенно определенно заявив о неизбежности своего присутствия в судьбе героини, отныне творчество так или иначе проявляется во всех важных моментах ее жизни, то вторя им, усиливая их поддержкой, то сопротивляясь им, на время истощаясь под их гнетом. Удивительно утонченно передается в стихах диалектика соотношений творчества и любви, творчества и страданий. Многообразие их взаимосвязей, пробуждающее в героине различные, нередко противоречивые мысли, устремления, способствует постижению ею жизненной мудрости в главах «Четок» и «Белой стаи». Формирование поэта приравнивается к духовному совершенствованию, становится одним из путей преображения личности.

Любовь. От первоначального восприятия ее сугубо чувственной основы, отождествления ее со счастливой жизнью через полное разочарование и отречение от муки-любви трансформируется понимание чувства: акцентируется его духовная, божественная сущность, обретение которой стоит всего земного счастья и самой жизни.

Исследование архитектоники ранних книг Ахматовой дает возможность взглянуть на них как на своеобразную поэтическую лестницу преображения, отражающую лелеемую мечту автора о действительном приближении к Богу.

Перспективой данной диссертации могут стать как дальнейшие диахронные исследования следующих книг А.А.Ахматовой с целью определения своеобразия духовных метаморфоз личности, так и синхронное изучение архитектоники книг других художников слова Серебряного века, согласно концепции Л.А. Смирновой, стремящихся к постижению абсолютных духовных ценностей. Такое исследование позволит определить своеобразие творчества каждого автора, увидеть индивидуальные пути духа и одновременно постичь внутренние связи между ними.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

1. Архитектоническое своеобразие сборника лирики А.А.Ахматовой «Белая стая» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 3. – М., 2010. – С. 170-173.
2. Функциональная значимость мотивов детства и юности в архитектонике первой книги А.А.Ахматовой «Вечер» // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 1. – М., 2011. – С. 94-98.
3. Мотив греха и покаяния в книге стихов А.А.Ахматовой «Четки»// Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи: сб. науч. трудов по материалам Международной научной конференции: Москва, МГОУ, 23-24 июня 2009. Часть I. Проза, драматургия и поэзия Серебряного века. – М., 2010. – С. 149-155.
4. Вариации мотивов смятения в архитектонике сборника А.А.Ахматовой «Четки»// «Анна Ахматова и Николай Гумилев в контексте отечественной культуры» (к 120-летию со дня рождения А.А. Ахматовой): материалы Международной научно-практической конференции: Тверь-Бежецк, Тверской государственный университет, 21-22 мая 2009. – Тверь, 2009. – С. 190-194.
5. «Архитектоническое своеобразие первой книги А.А.Ахматовой «Вечер»»// Утренняя заря: Молодежный литературоведческий альманах. №3. – М., 2011. – С. 94-100.